

Киреев С.М.
(г. Горно-Алтайск.)

ТРИЗНЫ И ТРИЗНОВАЯ КЕРАМИКА МАЙМИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Неоднократно отмечалось, что для более полной реконструкции погребального обряда несомненный интерес представляют порой, казалось бы, даже совершенно незначительные находки и наблюдения, в том числе фиксация элементов погребальной обрядности, позволяющая внести новые дополнительные детали в изучение этой проблемы. Одними из подобных данных являются находки в насыпях и около насыпей курганов, в археологической литературе обычно называемые остатками тризн, а также различные околокурганые конструкции.

В течение полевых сезонов 1986-95 гг. на четырех могильниках Майминского археологического комплекса, расположенного в северных предгорьях Алтая (4, с.162-182) было раскопано 79 курганов: Майма-IV – 18 (В 1998 г. на могильнике исследовано 35 курганных и грунтовых погребений, где также встречены следы тризн и ритуальные сооружения, но эти материалы не учтены в данной работе.), Майма-VI – 15, Майма-VII – 39, Майма-XIX – 7. Из них полностью опубликованы лишь материалы исследований памятника Майма-XIX (6; с.39-50, 181-185).

При раскопках майминских курганов часто применялся метод сплошного раскопа, когда вскрывалась вся, или большая часть околокурганного пространства, иногда на расстояние до 5 м. от полы кургана. Так, на могильнике Майма-XIX был заложен один раскоп на все семь курганов, расположенных компактной группой, на могильнике Майма-VI – два раскопа. На могильнике Майма-IV без учета исследований 1998 г. также было разбито два раскопа, не считая индивидуальных раскопов на каждом из трех отдельно стоящих курганов. При работах на могильнике Майма-VII на компактно расположенных 2-3 курганах также закладывался общий раскоп, а отдельно стоящие курганы изучались раскопами, полностью заключающими насыпь и околокурганное пространство на 1-3 м. от края насыпи. Подобный метод раскопок позволил, кроме выявления курганов и погребений, не имеющих в силу ряда причин современных внешних признаков, обнаружить ряд находок, которые можно отнести к так называемым тризнам, т.е. погребально-поминальной обрядности: керамику, кости животных, остатки кострищ, отдельные предметы, каменные околокурганые выкладки.

Курганы Майминского комплекса в целом датируются серединой VI- рубежом II-I вв. до н.э., а в культурном плане относятся: Майма-IV – к североалтайскому (алферовскому) варианту пазырыкской культуры, а могильники Майма-VI-VII (кроме одного кургана), XIX- к быстрианской культуре раннего железного века (7; с. 54-58 ; 5; с. 119-122).

На территории могильника Майма-IV в насыпях, на насыпях некоторых курганов, а также около насыпей найдены кости лошади, в том числе передние копыта жеребенка (все определения остеологических материалов майминских курганов сделаны А.В. Гальченко и Я.Ю. Полосиной). В насыпях семи курганов встречены обломки орнаментированной и неорнаментированной лепной керамики. Из графически реконструируемых сосудов – большая часть - банки хорошего обжига, с мелкими примесями в тесте, с округлым срезом венчика, орнаментированные поясом ямок или жемчужин с разделителем (рис. 1; 2-7). В насыпи кургана 5 обнаружена чаша высотой 7 см., диаметром 37 см., с орнаментацией из пояса жемчужин под венчиком (рис. 1;1).

В насыпях пяти курганов могильника Майма-VI также встречены фрагменты керамики, среди них выделяется развал крупного баночного сосуда, орнаментированного двумя поясами оттиска угла лопаточки и насечками по срезу плоского венчика (рис.1; 8-12). Из 35 раскопанных курганов могильника Майма-VII керамика встречается в 16 случаях. Это также преимущественно баночные сосуды, орнаментированные рядом ямочных вдавлений, жемчужин в чистом виде или с разделителем. Иногда, у сосудов, имеющих жемчужник с разделителем, ниже проходит второй пояс их оттисков угла лопаточки (рис.2; 5,16). В кургане 2 найдены фрагменты баночного сосуда с отпечатками текстиля (рис.2; 7), а в кургане 106 - керамика от трех сосудов: крупного, орнаментированного жемчужником с разделителем; венчика от горшочка с каплевидным орнаментом, и обломки ирменского сосуда с орнаментом из заштрихованных треугольников (рис 2; 1, 8-9). Здесь же, в насыпи находились три сердоликовые бусины (рис. 2; 18), а около могилы на древней поверхности зачищено большое кострище. В насыпи кургана 31 обнаружены фрагменты трех сосудов: два из них орнаментированы жемчужником, один мелкой штриховкой (рис. 2; 10-12). В северной части насыпи кургана 12 зачищен фрагмент не менее чем от четырех глиняных сосудов, в том числе венчик небольшого кувшинчика или горшочка, обломки венчика баночного сосуда и сосуда, орнаментированного волнистыми резными линиями. (рис. 2; 6, 13-14). Здесь же найден полностью восстановленный небольшой кубок хорошего обжига (рис. 2; 15). В насыпи кургана 34 обнаружен железный однолезвийный нож с выделенной черешковой рукоятью (рис. 2,19). В насыпях трех

курганов могильника найдены кости и по 1-2 зуба лошади.

В центре насыпи кургана 1 могильника Майма-ХІХ зафиксирован зуб лошади и мелкие фрагменты неорнаментированной керамики, между кольцевыми выкладками курганов 2 и 3 на уровне погребенной почвы зачищены угли и кость животного. Кубок, аналогичный найденному на Майме-VII, но с орнаментом из пояса жемчужин, высотой 6 см и диаметром 8 см происходят из насыпи кургана 4 (рис. 1; 14). В насыпи кургана 2 найдены обломки хорошо обожженного баночного сосуда со срезанным во внутрь венчиком с насечками, орнаментированный ёлочкой из коротких оттисков гладкого штампа, пояса из неглубоких круглых вдавлений, а внизу группа из трех подобных же вдавлений (рис.1; 13).

Таким образом, во многих из майминских курганов, в насыпях, под насыпями и между курганами встречаются обломки керамических сосудов, кости и зубы домашних животных, преимущественно, лошади и изредка – овцы, иногда – угли и остатки кострищ, нож, бусы. При сравнении тризновой и погребальной керамики соответствующих могильников заметно их явное различие. Прежде всего, первая - значительно лучшего обжига, имеет явные следы употребления: нагар, закопченность, мелкие сколы. По форме это баночные сосуды, горшки, кубки, чаши. В погребениях же преобладают кувшины и лишь изредка баночные сосуды. Определенные отличия имеются в орнаментации керамики: в тризнах значительно чаще встречается жемчужник, ямки, редко – налепные валики, в керамике погребений нет сосудов орнаментированных углком лопатки. Несомненно, тризновая керамика значительно ближе к поселенческой и во многом сопоставлена с кухонной и столовой посудой поселений Майма – II, III, XVIII и других поселений быстрианской культуры.

Предположение о том, что часть керамики в насыпи курганов и околокурганное пространство попала из наружных, более ранних поселений или стоянок не может быть принято, так как памятники Майминского комплекса являются достаточно изученными, а керамика насыпей и погребений в целом хронологически сопоставима. Следует отвергнуть и возможность попадания керамики в насыпи при ограблении курганов, во всех случаях керамика погребений и тризновая оказывались различными.

Но майминские курганы не являются оригинальными в отношении наличия остатков тризн. Так, в Горном Алтае "в каменных насыпях многих уландрыкских курганов отмечены следы огня, найдены кости жертвенных животных и обломки керамических сосудов" (11, с.11), кости лошади и керамика также обнаружены в насыпях курганов Барбургазы-I, Малталу-IV (13,с.11), Юстыда (12, с.12). В насыпях нескольких курганов могильника Бике-I встречены находки костей и керамики, зернотерки (14, с.44,46,52,55.). Здесь же на Средней Катуні в кургане 1 могильника Кыс-Кол-I "при зачистке и разборке каменной насыпи диаметром 8,5 м. собрана коллекция, содержащая более 100 фрагментов керамики приблизительно от семи различных сосудов".

(15, с. 47), что является своеобразным рекордом, а на насыпи также кости марала и лошади. Тризновые остатки костей и керамики встречены и на многих других памятниках Горного Алтая. Иногда в насыпях находят и целые сосуды, например, в могильниках Боротал-II,III (17, с.184,188), на Катонском могильнике (27, с. 56). В целом, как отмечает А.С.Суразаков. "для пазырыкской культуры и кара-кобинской группы памятников в насыпях и под ними встречаются угли и кости животных, в большинстве случаев под южной полкой насыпи" (29, с. 120). То же самое характерно и для быстрианской культуры Причумышья (1, с.154-155) и в целом Северного Алтая.

На соседних территориях в эпоху раннего железа следы тризн в виде кострищ, битой посуды и целых сосудиков, костей животных, предметов бытового инвентаря и украшений встречаются в памятниках саргатской культуры (16, с. 134,138; 22, с. 13). В некоторых насыпях курганов большереченской культуры обнаружены "обломки сосудов большого диаметра, в которых помещалась еда или питьё на несколько сот человек (30, с.24). В надмогильных сооружениях Улангомского могильника в Западной Монголии "прослежены зольные пятна – следы жертвенных костров (18,с.258). Следует вспомнить и красочное описание М.П.Грязновым погребения скифского царя в кургане Аржан, где тысячи людей "на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя". (2, с.50).

Вообще, подобные ритуалы характерны в целом для культур скифо-сибирского мира на обширных пространствах Евразии. В курганах знати и рядовых кочевников Степной Скифии также встречаются остатки тризны в виде костей животных, обломков амфор и лепной керамики и изредка некоторые предметы конского снаряжения и наконечники стрел (28, с.55). Следы огня "в виде небольших угольно-зольных пятен или отдельных угольков" встречаются в насыпях савроматских курганов, начиная с VII в. до н.э. и до начала II в. н.э. К.Ф.Смирнов фиксирует в савроматских же памятниках следы кострищ на перекрытиях могил, кострища под насыпью, остатки тризны: черепки сосудов и целые грошки, кости животных (26, с.89, 96-97).

Несомненно, что все отмеченные выше находки в насыпях и около насыпей курганов являются следами определенных ритуалов, тесно связанных с погребальным обрядом и последующими поминками. Так В.С. Ольховский, обобщивший материалы погребальной обрядности Степной Скифии VII-III вв. до н.э. отмечает, что нередко на подкурганной поверхности устраивали погребальный пир, осуществляли другие ритуальные действия: разводили костер, устанавливали жертвенники, заполняли жертвенные ямы, "при сооружении насыпи нередко устраивали поминально-

погребальные тризны, а в насыпь помещали дары (конская узда, стрелы, часть повозок и т.д.)" (20, с. 175-176). Как отмечает С.С.Сорокин "судя по данным письменных источников, традиция поминальных торжеств у кочевников восходит к III-VIII вв. н.э., а археологические данные отодвигают дату возникновения этой традиции к началу I тыс. до н.э. (27, с.23).

Следует заметить, что в современной науке понятие "тризны" неоднозначно, как правило, археологи определяют её как "погребально - поминальное действие, а именно: пиршество, принесение жертвоприношений". Но Б.А.Рыбаков считает, ссылаясь при этом на автора середины XIX в. А.О. Котляревского, что в широком смысле "тризна не поминки, а военная игра, турнир, состязание в честь умершего...". Говоря собственно о славянской тризне он пишет, что "как и в античном погребальном церемониале, главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам" (25, с.313). Согласно Геродоту "скифам был известен обычай периодических поминок" (20, с. 176).

Также возможно, что какие-то остатки керамики около насыпей происходят от обычая очищения скифов после похорон, описанного Геродотом, когда устанавливается каркас из трёх жердей, обтянутый шерстяными покрывалами, а внутри него сосуд, в который кидали раскаленные камни. Свидетельством этого могут служить находки из 2-го пазырыкского кургана, где обнаружены две бронзовые курительницы с камнями, а над ними каркас из связанных жердей (23. Табл. XXIV.).

Обычай поминально - обрядовых действий сохранился у народов Евразии вплоть до XX в., во многих своих чертах напоминая соответствующие ритуалы, реконструируемые по археологическим данным. Так, уже в новое время у осетин, таджиков, племен Дагестана существовал обычай охраны могил покойного в течении трёх дней после его смерти, причем около могилы делали сооружение, в котором находился её охраняющий (9, с.258-259). Имеется также достаточно много археологических и этнографических свидетельств о погребальных обрядах у тюркских народов. По исследованиям В.Д.Кубарева в древнетюркскую особую роль играли так каменные оградки внутри которых и рядом встречаются кости лошади и овцы, детали лошадиной сбруи, сосуды, оружие, следы огня и пр. На оградках возводились деревянные строения, которые при последних поминках сжигались (10, с. 76-77). В XIX-XX веках похожие, неоднократные в течении года поминальные обряды зафиксированы у алтайцев, в ходе которых устраивались обеды, приготовление и оставление на могиле пищи для усопшего (мясо лошади, барана), уздечки, деревянные сосуды. Около погребения разжигали огонь, сжигали одежду и некоторые вещи покойного (31, с.100-101). С.И.Руденко описывает наблюдавшиеся им полугодовые поминки с пиршеством у казахов (24, с.327-329).

Так же археологически и этнографически зафиксированы поминальные обычаи и обряды у восточных славян, сохранившиеся в элементах вплоть до наших дней. Ещё в начале XII в. летописец Нестор писал, что славянские племена совершают тризну над умершими. По С.И.Ожегову тризна – "у древних славян: обрядовые действия и пиршество в память умершего" (19, с.662), имеется определение славянской тризны как "языческого поминовения умерших, оканчивавшееся разными воинскими играми" (21, с.2.174). Древние славяне в дохристианский период огораживали место погребений оградами и ровиками, погребенного подвергали кремации на больших кострах вместе с постройкой или же сжигали сруб – домовину над могилой (25, с.89-93). Во время поминок происходило пиршество и состязание в честь умершего. "В славянской тризне...главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам..." (25, с.313). Из поздних восточнославянских обрядов этнографами засвидетельствовано сторожение могил после похорон и охрана покойников (9, с.357, 360; 8, с.25-26). Кроме девятого и сорокового дня и года со дня смерти существовали и до сих пор существуют особые общие дни поминовений в радуницу, на Троицу, в Дмитриевскую родительскую субботу. "У белорусов могилу часто покрывают прикладом, имеющего форму длинного, похожего на горб ящика из цельного толстого пня или досок". Иногда на могилу клали камни (3, с.351). В Горьковской области также наблюдается положение камушков на могиле "посередине рук и ног для того, чтобы покойник мог защищаться от нечистой силы" (9, с.351). На севере России после похорон на могилу ложили лопату, которой её закапывали и перевернутый горшок с углями, а над могилой устанавливали деревянное четырёхугольное сооружение под названием голубец. Казаки на могилу ставили копьё с привязанным к нему платком, символизирующем воинское звание (3, с.351). На Пасху русские клали или закапывали на могиле пасхальное яйцо, а на Волыни украинцы разводили костер и варили обед (3, с.357). По Д.К.Зеленину, разбивание посуды, которое производилось при погребении и поминках у славян является символом обновления жизни (3, с.349).

Возвращаясь же непосредственно к теме нашего сюжета – следам поминальных и обрядовых действий, отмеченных в майминских курганах раннего железного века рассмотрим сопроводительные курганные выкладки из камня, выявленные на могильниках Майма – IV, VI, XIX, несомненно связанные с погребально - поминальным ритуалом. Так в четырёх метрах к востоку от края насыпи самого большого из раскопанных курганов могильника Майма-IV между двумя детскими погребениями располагалась овальная кладка, вытянутая по линии ВЗ. Она сложена из мелких и средних окатанных речных галек, размером 98x132 см. При разборке выяснилось, что каменная прослойка постоянно сужалась, уходя на конус до глубины 90 см (рис. 3; 1), в заполнении выкладки встречена керамическая крошка. Около кургана 10

этого же памятника, вплотную примыкая с запада к его насыпи, располагалась полукруглая вкладка мощностью 12-15 см из растрескавшейся речной гальки (рис. 3; 2). Можно предполагать, что на выкладке был разведен костёр, воздействие которого привело к расколу галек. Но следов золы, углей и прокалов обнаружено не было.

В системе могильника Майма-VI выявлено шесть почти аналогичных каменных выкладок, в том числе три из них связаны с курганом 2 и расположены к югу от него. Пять выкладок в плане овальной формы, а одна круглой. Размер их от 180x220 см до 160x170 см, сложены в 1-3 слоя из гальки средних и мелких размеров (рис. 3; 3). Находок под выкладками и внутри их не найдено.

Одна круглая в плане выкладка диаметром 150 см. зафиксирована к ЮВ от кургана 5 могильника Майма-XIX. Выложена она в один слой из небольших рваных камней (6, с.40). Можно предположить, что различного рода каменные выкладки связаны с определенными действиями погребально – поминальных ритуалов и, возможно исполняли ту же функцию, что и каменные кольца у пазырыкских курганов.

Таким образом, поминальная обрядность, возникнув в глубокой древности, сохранилась в силу общего этногенеза, последующих контактов со скифо-сарматскими племенами в течении многих столетий, в частности – у тюркских и восточнославянских народов. Этнографические же наблюдения могут служить дополнительным материалом для палеорекопструкций соответствующих ритуалов, в том числе и эпоху раннего железа.

Возвращаясь к погребениям на майминских памятниках мы видим следующие остатки, свидетельствующие о существовании погребально – поминальных обрядов: следы огня в виде кострищ и углей, находки костей лошади и овцы, частые находки обломков , а иногда и целых сосудов, носящих следы употребления. Рядом с некоторыми курганами располагались каменные выкладки, которые могли служить жертвенниками и на которых, очевидно, совершались определенные, пока достоверно не установленные, ритуальные действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
2. Грязнов М.П. Аржан – курган раннескифского времени. Л., 1980.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
4. Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
5. Киреев С.М. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.
6. Киреев С.М. Курганы Майма-XIX. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
7. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры.// Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. (материалы конференции, посвященной 40-летию ГАИИИЯЛ). Горно-Алтайск, 1992.
8. Кремлева И.А. Похоронно – поминальная обрядность русского населения Пермской области. // Полевые исследования института этнографии, 1978. М, 1980.
9. Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
10. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. // Новосибирск, 1984.
11. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. // Новосибирск, 1987.
12. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. // Новосибирск, 1991.
13. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. // Новосибирск, 1992.
14. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990.
15. Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.Д., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катунь. Altaica, Новосибирск, 1992, №1.,
16. Матвеева М.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
17. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Бортал и Алгаил. // СА, 1980, №2.
18. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
20. Ольховский В.С. Погребально - поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до

н.э.). М., 1991.

21. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том II. М., 1992.
22. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
23. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
24. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
26. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964.
27. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. // АСГЭ, 1966, вып.8.
28. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
29. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.
30. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
31. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ КИРЕЕВА С.М.

Рис. 1. 1-7 – могильник Майма-IV
8-12 – могильник Майма-VI
13-14 – могильник Майма-XIX

Рис. 2. 1-19 – могильник Майма-VII

Рис. 3. 1 – кладка около кургана 5 могильника
Майма-IV
2 – выкладка около кургана 10 могильника
Майма-IV
3 – выкладка около кургана 2 могильника
Майма-VI

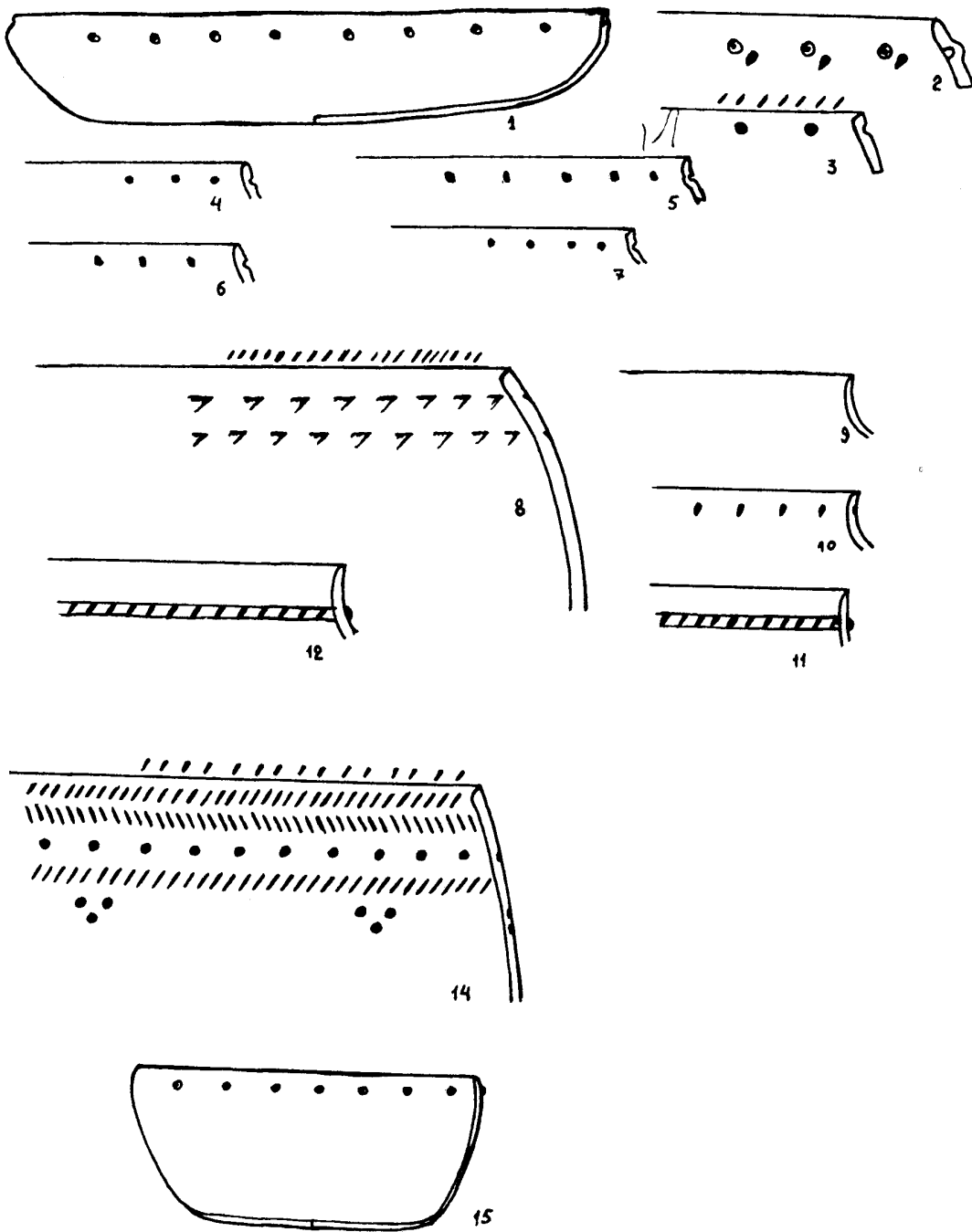

Рис.1

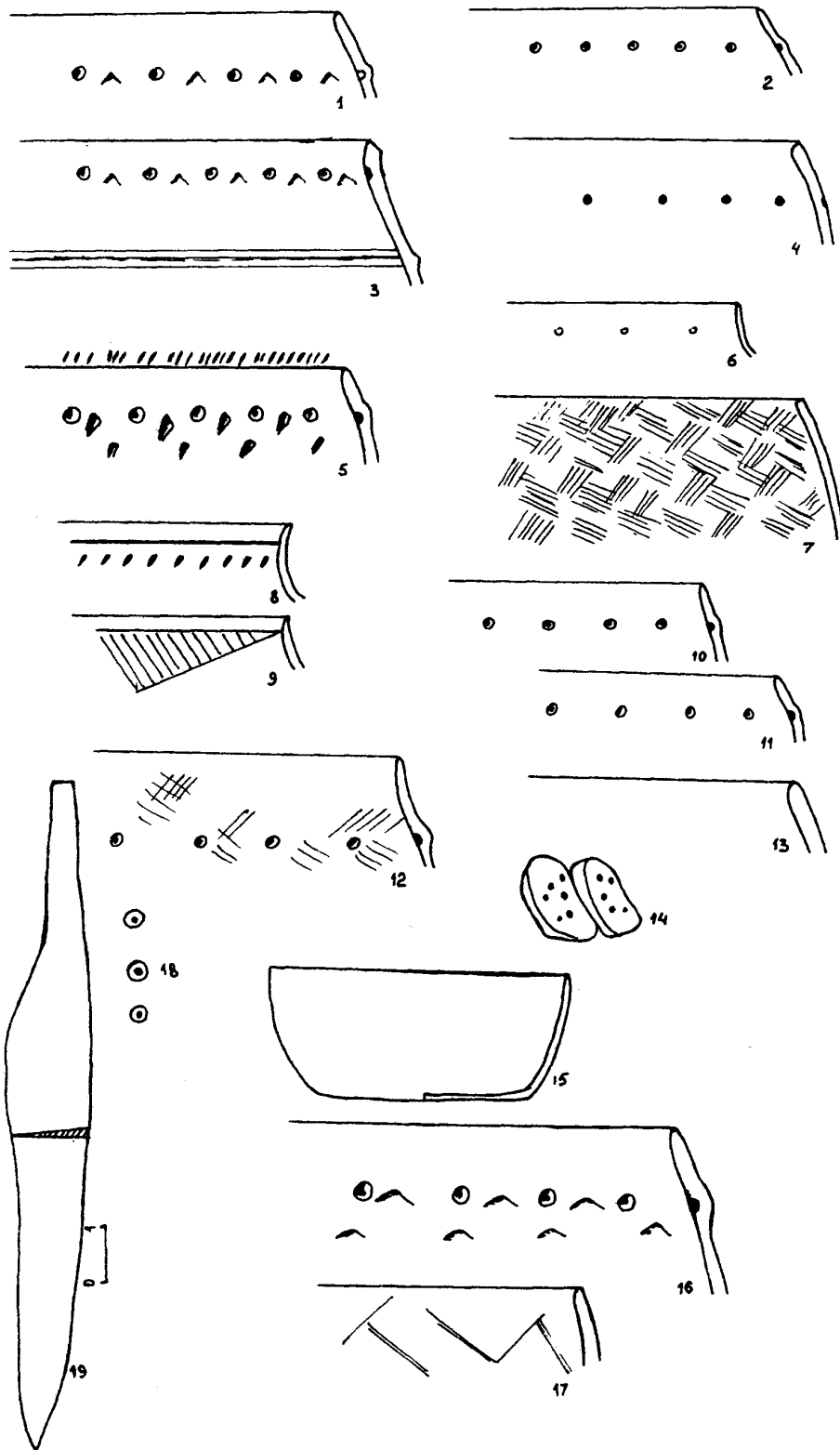

Рис.2

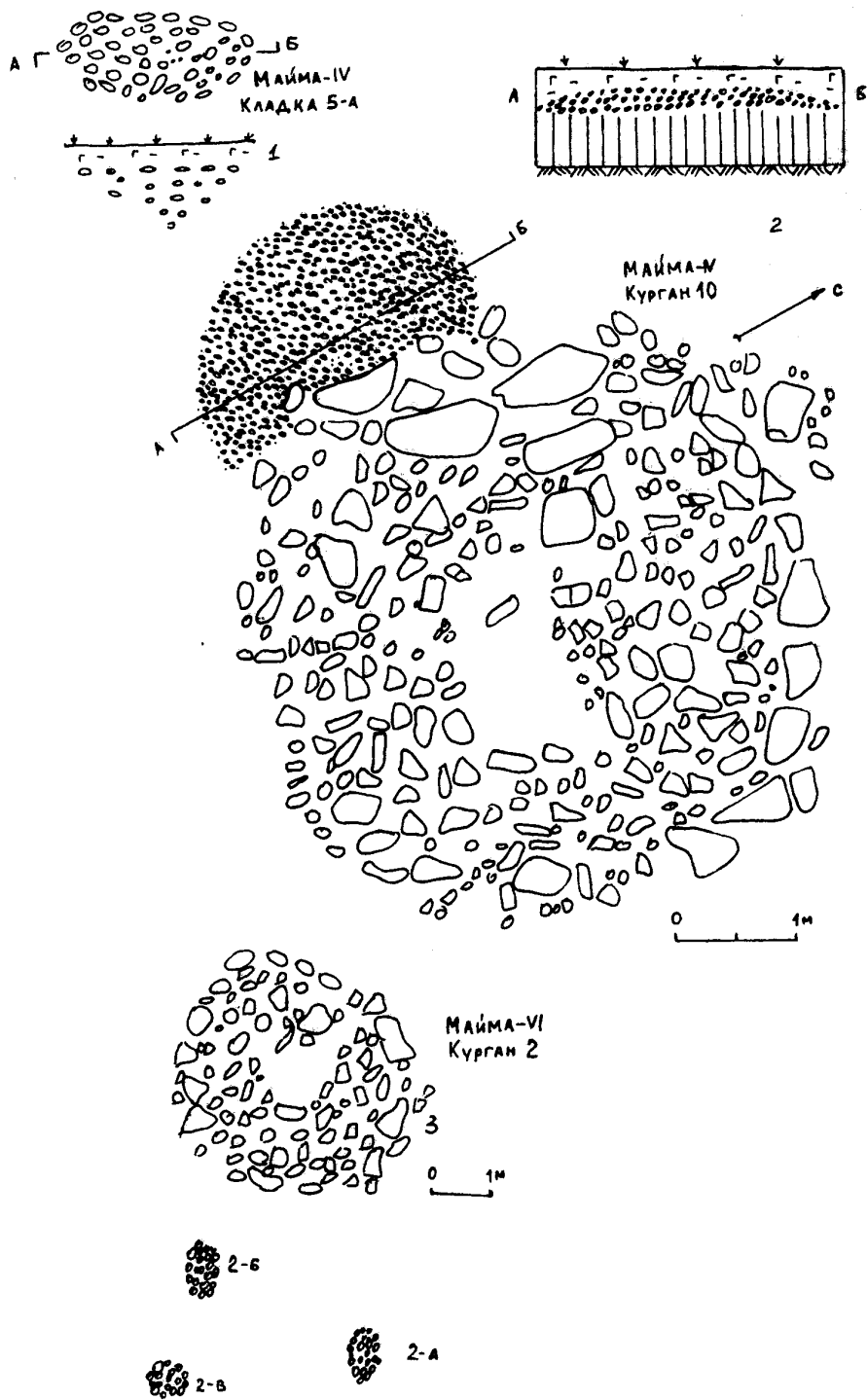

Рис.3